

НЕ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ГЕВИН МЕНЗИС

1421-год,
когда КИТАЙ
открыл мир

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2022

УДК 910.4(510)
ББК 26.8г
М50

Gavin Menzies
1421: The Year China Discovered the World

Перевод с английского А. Кашина

Мензис, Гевин.

М50 1421 — год, когда Китай открыл мир / Гевин Мензис ; [перевод с английского]. — Москва : Яуза-пресс, 2022. — 576 с.

ISBN 978-5-9955-1075-8

Сенсационная книга Гевина Мензиса (1937—2020) рассказывает о начале Великих географических открытий, при этом, по теории автора, китайские мореплаватели адмирала Чжэн Хэ на 100 лет опередили своих европейских соперников. Самая грандиозная китайская экспедиция, составленная из четырех флотов, началась в 1421 г. В 2003 г. эта книга стала бестселлером по мнению *New York Times*, была переведена на десятки языков, а суммарный тираж превысил 1 000 000 экземпляров!

Кто бы мог подумать, что в эпоху династии Мин китайские мореплаватели первыми открыли Австралию, Новую Зеландию, Америку, Антарктиду и Северо-Восточный проход? Возможно ли, что китайцы еще в XV в. совершили кругосветное путешествие? Могли ли средневековые китайские суда добраться до Гренландии, до Северного и Южного полюсов? Имел ли Китай в первой четверти XV в. соответствующий потенциал и материально-технические возможности для кругосветных экспедиций?

Последние из уцелевших в дальних морских странствиях кораблей вернулись в Китай осенью 1423 г. Свидетельств, куда и зачем ходили эти суда, почти не осталось, лишь карты, обнаруженные автором, подтверждают китайский след в Великих географических открытиях.

Гипотезы Гевина Мензиса до сих пор вызывают ожесточенные споры среди ученых. Многие считают его книгу альтернативной историей, но так ли это, решать читателям. За большой вклад в пропаганду культуры Китая Мензису было присвоено звание почетного профессора Юньнаньского университета в Китае.

УДК 910.4(510)
ББК 26.8г

ISBN 978-5-9955-1075-8

© Мензис Г., наследники, 2022
© Кашин А.П., перевод, 2006
© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2022

ВВЕДЕНИЕ

Лет десять назад я наткнулся на одну древнюю карту, изучение которой сулило невиданную перспективу. Хотя это была не карта захороненных на морском дне или на островах сундуков с золотом, она стала для меня дорожкой всех сокровищ мира, поскольку позволяла взглянуть на историю человечества, в частности — на историю Великих географических открытий, в новом, совершенно непривычном ракурсе. Эта карта настолько поразила мое воображение, что с тех пор я посвятил все свое время поискам других древних карт, лоций и документов, которые могли бы подтвердить начавшую формироваться в моем сознании казалась бы, совершенно невероятную теорию.

Изыскания по истории Средневековья, в частности по истории великих географических открытий, привели меня в Миннесоту. Кое-кому может показаться странным то обстоятельство, что я отправился на розыски старинных документов в эти края, но, по правде говоря, ничего удивительного тут нет. Дело в том, что библиотека им. Джеймса Форда Белла при университете штата Миннесота содержит одно из крупнейших в мире собраний древних карт и лоций. Именно там я и обнаружил коллекцию сэра Томаса Филлипса, жившего в XVIII столетии. Долгое время его собрание считалось утраченным и было найдено всего 50 лет назад.

Карта, которую я отыскал в его коллекции, датировалась 1424 г. и была составлена венецианским картографом по имени Дзуане Пиццигано (Zuane Pizzigano).

На ней были изображены Европа и часть Африки, и я, сравнив эту карту с современной, поразился тому, с какой точностью средневековый картограф очертил контуры Европы. Более всего, однако, мое внимание привлекла изображенная картографом группа из четырех островов, находившихся в западной части Атлантики. Дело в том, что в указанном венецианцем месте подобных больших островов нет, не говоря уже о том, что их названия — Сатаназес, Антилия, Сайя и Имана (Satanazes, Antilia, Saya, Ymana) — абсолютно ничего мне не говорили. Конечно, тут могла быть элементарная ошибка в счислении — люди в XV в. не умели достаточно точно определять географическую долготу и широту, — но первой моей мыслью было, что эти острова существовали лишь в воображении картографа. Другими словами, поначалу я решил, что он их просто-напросто выдумал.

Я еще раз пригляделся к карте. Два самых больших острова были окрашены в яркие цвета: Антилия — в темно-синий, а Сатаназес — в ярко-красный. И это притом, что вся остальная карта вовсе не была раскрашена! Это могло означать только одно: составитель карты придавал этим островам чрезвычайно важное значение, возможно, по той причине, что они были открыты недавно. Все обозначения на карте были на старопортугальском языке. Я обратил внимание на названия. Сложное слово «Антилия» состояло из слов «илия» — «остров» и «анти» — то есть «против, напротив», что можно было истолковать как «остров, расположенный в противоположной от Португалии части Атлантики». Ничего кроме этого данного в названии указания не могло мне помочь правильно идентифицировать этот остров. То же самое можно сказать и об острове Сатаназес, или «острове Сатаны», название которого звучало довольно зловеще и говорило само за себя.

Изображение острова Антилия было испещрено всевозможными надписями — по-видимому, названиями селений и городов. Судя по всему, этот остров был изучен лучше остальных. На Сатаназесе же было всего пять надписей,

и среди них такие загадочные, как «кон» и «имана» (con, umana).

Нечего и говорить, что мое любопытство было возбуждено до крайности. Что это за острова? Существовали ли они в действительности? И если да, то где? Хотя в подлинности карты сомневаться не приходилось, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что эта часть Атлантики в первой четверти XV в. европейцам была совершенно неизвестна. Я с головой ушел в работу с документами и через две недели пришел к выводу, что упомянутые Антилия и Сатаназес не что иное, как острова Карибской группы Гваделупа и Пуэрто-Рико. Это означало, что кто-то исследовал и нанес эти острова на карту за 70 лет до того, как Колумб (Cristoforo Colombo, исп. Cristobal Colon; 1451–1506) достиг Карибского моря. Напрашивался вывод, что открытие Нового Света следует приписывать не Колумбу, а какому-то другому, неизвестному нам выдающемуся путешественнику, по-видимому, португальцу.

Этот вывод показался мне настолько невероятным, что я решил проконсультироваться с известным знатоком в области португальского Средневековья профессором Жоау Камилу душ Сантушем (José Camilo dos Santos). Он исследовал карту и обратил мое внимание на то, что загадочные слова «кон» и «имана» можно истолковать так «здесь было извержение вулкана». Эти слова были написаны в южной части острова Сатаназес — как раз там, где на Гваделупе находятся три действующих вулкана. Вставал вопрос: было ли их извержение до 1424 г.? Я сразу же связался со Смитсоновским институтом в Вашингтоне, и мне там ответили, что извержение вулканов на Гваделупе действительно произошло между 1400 и 1440 гг. Более того, я установил, что за означенный период на других островах Карибского бассейна извержений вулканов не отмечалось. Стало быть, это действительно была Гваделупа, и этот факт свидетельствовал в пользу моей теории о том, что некий путешественник достиг Карибского моря и основал на его островах поселения за 68 лет до Колумба.

Профессор душ Сантуш дал мне рекомендательные письма к директору Государственного архива в Лиссабоне, и я продолжил свои изыскания в Португалии. Роясь в древних манускриптах и картах, я, к большому своему удивлению, обнаружил, что португальцы не имели никакого отношения к открытию островов, нанесенных Пиццигано на карту. Более того, когда венецианец чертил свою карту, португальцы не имели об этих островах ни малейшего представления. Первое изображение острова Антилия на португальских картах датируется лишь 1428 г. — по-видимому, примерно в это время карта венецианца или аналогичная ей попала в руки португальцев и была ими скопирована. Косвенно это подтверждал и изданный в 1431 г. португальским принцем Генрихом (Энрике; dom Henrique of Portugal) Мореплавателем приказ, в котором он обязал своих капитанов плыть на запад и найти нанесенные на карту острова. Если бы португальцы к тому времени уже открыли, к примеру, Антилию, принцу незачем было бы издавать такое распоряжение.

Но если Антилию и Сатаназес открыли не португальцы, то кто, спрашивается, это сделал? Кто снабдил Пиццигано и других картографов информацией об островах Карибского бассейна?

Я снова принялся листать толстые тома истории Средних веков. Пытался выяснить, какое государство в первой четверти XV в. обладало достаточно мощным флотом и подготовленными моряками, чтобы иметь возможность предпринять подобное грандиозное плавание. Венеция, одна из старейших морских держав в Европе, в те годы уже клонилась к упадку. Старый дож был болен, власть утекала у него сквозь пальцы, словно песок, а его преемник готовился урезать расходы на флот, казавшиеся ему непомерными. У других же европейских держав кораблей едва хватало, чтобы поддерживать прибрежную торговлю, а Португалия основательно увязла в войнах с султанами Северной Африки. Египетские правители также были заняты войнами, преимущественно междоусобными, и им было не до дальних морских походов. Мощнейшая же империя

Тамерлана после его смерти распалась на несколько государств, которые в морском отношении ничего собой не представляли.

Кто же в таком случае мог добраться до Карибского моря и исследовать его острова? Чтобы ответить на этот вопрос, я решил изучить все имевшиеся в моем распоряжении старинные карты начала XV в. с изображением морей, океанов и континентов. Чем глубже я копал, тем больше золотых самородков мне удавалось добывать. Неожиданно выяснилось, что Патагония и Анды были нанесены на карту за столетие до того, как их впервые посетили европейцы. С Антарктики же планы были сняты за несколько столетий до ее открытия европейцами. То же самое можно сказать и о побережье Восточной Африки и об Австралии, открытой Джеймсом Куком спустя 300 лет после описываемых здесь событий. На других картах можно было распознать Гренландию, а также очертания Северной и Южной Америк, которые омывались Атлантическим и Тихим океанами.

Чтобы с такой точностью и мастерством нанести на карту весь подлунный мир, неизвестным мореходам требовалось как минимум совершить кругосветное путешествие. Более того, эти люди должны были знать правила навигации и обладать умением точно определять положение своего корабля или вновь открытого ими острова в Мировом океане. Принимая же во внимание то обстоятельство, что они месяцами находились в открытом море, им необходимо было научиться опреснять воду и хранить в течение длительного времени продукты питания. Я пришел также к выводу, что эти неизвестные путешественники были отличными геологами, натуралистами, знали, как составлять гербарии, снимать шкуры с животных и набивать чучела. Другими словами, они знали и умели все то, о чем в тогдашней Европе и представления не имели, и намного опередили своих западных конкурентов как мореходы, инженеры, ученые и естествоиспытатели. Остается только удивляться, что такие искусные путешественники, совершившие величайшие

открытия в истории человечества, были этим самым человечеством незаслуженно забыты, а записи о них уничтожены.

Обдумав все это, я пришел к весьма неутешительным для себя выводам. Продолжать свои изыскания означало бросить вызов устоявшимся знаниям человечества об истории географических открытий и даже о развитии цивилизации как таковой. К примеру, каждому школьнику известно, что Бартоломеу Диаш (Bartolomeu Dias; ок. 1450–1500) отплыл в 1487 г. из Португалии и первым обогнул мыс Доброй Надежды — самую южную точку на побережье Африки. Еще один португалец, Васко да Гама (Vasco da Gama; 1469–1525¹), десятью годами позже пересек Индийский океан и открыл морской путь в Индию, по которому в Европу потекли восточные пряности, благовония и специи. 12 октября 1492 г. Христофор Колумб, увидев на горизонте один из Багамских островов, вошел в историю как первооткрыватель Нового Света. Он совершил еще три путешествия в Новый Свет, открыл множество островов Карибского моря и добрался до Центральной Америки, хотя сам всю жизнь считал, что достиг южного побережья Азии. Фердинанд Магеллан (Ferdinand Magellan; ок. 1480–1521) открыл пролив между Атлантическим и Тихим океанами, который и по сию пору носит его имя. Продолжая плыть на запад, он обогнул землю, то есть совершил кругосветное путешествие, хотя сам до триумфального возвращения в Испанию не дожил. 27 апреля 1521 г. он был убит в стычке с туземцами на Филиппинах.

Все эти люди были многим обязаны принцу Энрике Мореплавателю (1394–1460), чей расположенный на юго-западе Португалии замок стал своеобразной академией для множества исследователей, картографов, мореплавателей и кораблестроителей. Именно там обрабатывалась оптимальная конструкция европейского морского судна и изготавливались точные навигационные приборы, позволившие

¹ По другим источникам 1469–1524 гг. (*Прим. ред.*)

европейцам отправиться в странствия по морям и океанам, открывать новые земли, исследовать и колонизировать их.

Как-то раз, закончив работать в Государственном архиве Португалии Торре ди Томбу, я зашел в бар на набережной Лиссабона и просидел там несколько часов, созерцая в задумчивости памятник Энрике Мореплавателю. Бронзовые губы принца были изогнуты в загадочной улыбке: казалось, он знал нечто такое, чего не знал я. В самом деле, кто же это те великие мореходы, которые, не оставив после себя почти никаких следов, совершили кругосветное путешествие и нанесли на карту Америку задолго до рождения Магеллана и Колумба?

Наконец я пришел к убеждению, что нация, чьи посланцы достигли Патагонии, Антарктики и открыли Южные Шетландские острова, должна была обладать такими великими познаниями о мире и такими гигантскими материальными ресурсами, какими в то время не обладала ни одна нация на земле. За исключением Китая.

Это убеждение, однако, каким бы твердым оно ни было, нисколько не облегчило моей задачи. Во-первых, потому, что мне необходимо было основательно аргументировать свою теорию, а сделать это было трудно, если не сказать невозможно. Прежде всего потому, что китайцы в связи с происшедшими радикальными изменениями в своей внешней политике уничтожили в середине XV в. почти все карты и документы, относившиеся к описываемому нами периоду. После сделанных Китаем великих географических открытий нация неожиданно замкнулась в себе, и все, что свидетельствовало о ее недолгой попытке международной экспансии, было самым тщательным образом вымарано из книг и летописей. По этой причине, чтобы написать историю великих китайских путешествий, мне пришлось бы по крупицам собирать свидетельства в других источниках, а это такая грандиозная работа, за которую, по правде говоря, было страшно приниматься. Отпугивало уже одно то, что мне, историку-дилетанту, командиру подводной лодки в отставке, предстояло доказывать свою гипотезу крупнейшим мировым авторитетам в области истории, географии

и этнографии. Впрочем, в отличие от последних у меня было одно преимущество. Будучи военным моряком, поступившим на службу в Королевский военно-морской флот в пятнадцатилетнем возрасте, я за 17 лет службы избороздил на кораблях и судах все моря и океаны, следуя по пути многих великих путешественников. К примеру, командуя подводной лодкой Ее Величества «Рокуэл», я за период с 1968 по 1970 г. неоднократно ходил из Китая в Австралию, пересекал Тихий океан и добирался до американского побережья.

В перископ своей субмарины я видел примерно то же, что видели с палубы своих кораблей морские бродяги древности, — прибрежные скалы, склоны, отмели, очертания дальних гор. Временами этот вид был удручающе однообразным, временами обманчивым, а ведь известно, что без видимых ориентиров моряку даже в каботажном плавании определить непросто. В дни моей молодости еще не существовало спутниковой навигации, и мы, моряки подлодки, определяли положение своего судна по звездам — как и тысячу лет назад. Главными путеводными звездами-маяками в Южном полушарии для моряков испокон веку являются Канопус и Южный Крест. По этой причине эти звезды играют чрезвычайно важную роль в моем повествовании; кстати, не будь у меня знаний по астронавигации, полученных мной в военно-морском училище, я никогда бы не написал эту книгу и сделанные мной открытия так и остались бы неизвестными.

Рассматривая старинную карту, обыватель видит на ней лишь причудливо изогнутую или изломанную тонкую линию, контур, в большей или меньшей степени соответствующий его представлению об очертаниях той или иной земли или местности, но опытный навигатор-историк, глядя на ту же карту, скажет вам намного больше. К примеру, он сможет вам сообщить, откуда плыл картограф, наносивший побережье на карту, в каком направлении и с какой скоростью он плыл. Он также знает, как далеко находился картограф от берега и насколько точно он определял свое местоположение. Он сможет даже сказать, ночью или

днем проводил картограф наблюдения и чертил свою карту, и почему он принял за остров стоявшую на берегу в отдалении высокую гору.

Я видел карты, датировавшиеся XV — началом XVI в., на которых были изображены части света, неизвестные в тогдашней Европе. Эти карты имели погрешности и неточности. Прямо скажем, некоторые материки и острова было просто невозможно узнать, или они располагались совсем не там, где следовало бы. Многие ученые считали эти карты с точки зрения географии совершенно бесполезными, но я думал иначе. Я снова и снова возвращался к ним, изучал их, и по мере того, как я проникался сознанием чертившего их средневекового мастера, передо мной во все большей полноте открывалась новая, непривычная для большинства людей картина средневекового мира.

Дальнейшие изыскания подтвердили мою мысль о том, что несколько китайских флотов предприняли в начале XV в. ряд путешествий по Мировому океану, открывая новые острова и земли. Последнее и самое грандиозное из них, когда в плавании принимала участие составленная из четырех флотов гигантская армада, началось в 1421 г. Последние же из уцелевших в дальних морских странствиях кораблей вернулись в Китай летом или осенью 1423 г. Записей о том, куда и где ходили эти суда целых два года, практически не осталось. Тем не менее карты того времени, если их правильно читать, подтверждают тот факт, что эти суда не только обогнули Африку у мыса Доброй Надежды и пересекли Атлантику, открыв изображенные на карте Пиццигано острова Антилию и Сатаназес, но добрались и до Антарктики, Северной и Южной Америк, пересекли Тихий океан и дошли до Австралии. Китайцы в ту пору уже решили проблему вычисления географической долготы и широты и нанесли на карты со всей возможной для своего времени точностью открытые ими земли.

В детстве меня до пяти лет воспитывала «ама» — китайская нянька. Помню, как я горевал, когда пришло время с ней расставаться. В дальнейшем я не раз возвращался в Китай, но должен сказать, что хотя я всегда проявлял

к этой стране огромный интерес, ее историю, к большому своему стыду, я знал скверно. Поэтому, прежде чем засесть за описание истории великих китайских географических открытий, мне пришлось основательно заняться изучением китайского Средневековья. Для меня это было тоже своего рода открытием — подозреваю, что большинство обитателей западных стран, какими бы образованными они себя ни считали, столь же невежественны в области китайской истории, каким был когда-то и ваш покорный слуга. Чем больше я занимался историей Китая, тем сильнее проникался восхищением перед этой могучей, древней, удивительно по-своему совершенной цивилизацией. Китайские наука, технологии и знания о мире в XIV–XV вв. разительно опережали европейские науку и знания. Должно было пройти три, а то и пять столетий, чтобы европейцы сумели сравняться с достижениями в той или иной области познания, существовавшими в средневековом Китае.

Получив кое-какие знания об истории китайской цивилизации, я в течение последующих десяти лет странствовал по земному шару, стараясь следовать по пути, проложенному китайскими путешественниками древности. Помимо того, я копался в различных архивах, музейных и библиотечных фондах, бродил по залам древних дворцов и замков, посещал известные с давних времен морские порты, исследовал береговую линию, прибрежные скалы и отмели тех или других стран, высаживался на отдаленных, забытых богом и людьми островах. Где бы я ни был, я всегда или почти всегда обнаруживал свидетельства, говорившие в пользу моей теории. По счастью, в мои руки попало несколько старинных документов, относившихся к исследуемой мною эпохе и счастливо избежавших уничтожения. Два из них представляли собой записи, сделанные китайскими историками, а один манускрипт принадлежал перу европейского торговца, волею судеб оказавшегося в нужное время в нужном месте. Существовали и другие рукописи европейцев, которые обнаружили материальные свидетельства пребывания китайцев на далеких островах и землях и не забыли о том упомянуть.

Этих материальных свидетельств оказалось довольно много — осколки китайской фарфоровой посуды, истлевшие куски шелка, жертвенники и священные изображения, статуэтки и другие произведения искусства, резные каменные плиты, установленные китайскими моряками в ознаменование своих открытий, обломки джонок и сампанов, оставленных китайцами у побережий Америки, Австралии и Новой Зеландии. Мою теорию подтверждало также наличие растительности, чуждой для этих краев и земель, зато в изобилии произраставшей на территории Китая. Все, что я находил, говорило о сравнительно большой точности средневековых географических карт, которые я обнаружил и которые всецело овладели моим воображением. Увы, заключающаяся в этих картах информация не привлекла внимания известных китайских историков, но не потому, что им не хватало знаний или широты кругозора. Причина этого, на мой взгляд, крылась прежде всего в том, что они не знали астронавигации и имели весьма слабое представление о том, что такое Мировой океан. Мне же удавалось добывать ценнейшие сведения лишь потому, что я знал, как правильно читать и толковать старинные карты. Благодаря этому своему умению я сумел восстановить путь, пройденный китайскими флотами с 1421 по 1423 год.

Колумб, да Гама, Магеллан и Кук, сделав со временем те же «открытия», что и китайцы, объявили себя первооткрывателями. При всем том они знали, что следуют по пути других мореходов, поскольку, отправляясь в плавание по неизвестным морям, брали с собой копии китайских карт и лоций. Не могу не привести весьма уместную в данном случае известную цитату: «Если они и видели дальше, чем другие, то только потому, что стояли на плечах гигантов».

КИТАЙ ВРЕМЕН
ИМПЕРИИ

ВЕЛИКИЙ ЗАМЫСЕЛ ИМПЕРАТОРА

Второго февраля 1421 г. Китай продемонстрировал свое величие всем остальным нациям на земле. В этот день, считавшийся согласно китайскому календарю первым днем нового года, в празднично украшенном Пекине собрались властители и послы государств Азии, Аравии, Африки и бассейна Индийского океана, чтобы продемонстрировать свою преданность императору Чжу Ди (Zhu Di), Сыну неба. Флот, состоявший из огромных кораблей,

которыми командовали обученные тонкому искусству навигации капитаны, доставил всех этих разноплеменных государей и вельмож в Китай с определенной целью: чтобы они могли засвидетельствовать свою покорность Сыну неба и принять участие в церемонии освящения и открытия обнесенной стенами прекрасной и загадочной цитадели, именовавшейся Запретным городом. Всего на церемонии присутствовали 28 царей, князей и глав государств, но императора Священной Римской империи, византийского императора, венецианского дожа, а также королей Англии, Франции, Испании и Португалии среди высоких гостей не было. Властители этих варварских и безнадежно отсталых,

по мнению китайского императора, стран подобной чести не заслуживали.

Чжу Ди был четвертым сыном Чжу Юаньчжана (Zhu Yuanzhang), который стал первым китайским императором из династии Мин (Ming), хотя и родился в семье бедного крестьянина в одной из самых отсталых провинций империи¹. В 1352 г., за шесть лет до рождения Чжу Ди, в стране произошло ужасное наводнение. Желтая река (Yellow River) вышла из берегов и широко разлилась, снося на своем пути деревни и города и превращая ухоженные крестьянские поля в озера и непролазные топи. Начался невиданный голод, к которому прибавились также многочисленные эпидемии.

С 1279 г., после завоевания Китая ханом Хубилаем (Kublai Khan), внуком великого Чингисхана, страна находилась под монгольским правлением. Но в 1352 г. беднейшие китайцы, доведенные до отчаяния голодом, болезнями и нищетой, восстали против своих монгольских правителей. Восстание началось в районах Гуанчжоу (Guangzhou) и дельты реки Чжуцзян (Pearl river) и быстро распространилось на окрестные провинции. В вооруженной борьбе против монгольских феодалов принял участие и Чжу Юаньчжан, который довольно быстро выдвинулся в руководители восстания. Ему удалось привлечь на сторону повстанцев солдат и многочисленных малоземельных крестьян. В течение трех лет восстание охватило почти всю территорию Поднебесной. Лучшие в мире воины, монголы, за годы правления в Китае переняли роскошь высших классов, превратились в слабых и изнеженных людей и утратили бывшие воинские навыки. Когда дошло до столкновений с созданной отцом Чжу Ди повстанческой армией, неожиданно выяснилось, что монголы не в состоянии ей противостоять. В 1356 г. армия Чжу Юаньчжана захватила Нанкин (Nanjing) и отрезала пути поставок продовольствия в тогдашнюю столицу монголов город Тату (Пекин).

¹ Провинция Аньхой на северном берегу реки Янцзы, находится на востоке центрального Китая. (Если не указано иное, то *прим. авт.*)